

И когда мы прибываем на землю харам, когда приступаем к выполнению обрядов хаджа и умры, то неизменно переживаем и опасения: нужно все выполнить строго по предписанному, нужно соблюсти требования, не совершить ошибок, которые сделают хадж недействительным. Один из сложных столпов ислама, требующий напряжения души, сердца, физических сил, – хадж. Стремление совершить его, подготовка годами к заветному посещению святынь – этим объединены миллионы и миллионы людей в мире, которые стремятся выполнить в полноте предписания веры. Это стремление – часть нашей общей духовной жизни.

С какой теплотой и нежностью я вспоминаю теперь своих наставников, алимов, опытных хаджи, которые давали разъяснения, помогали, предостерегали от ошибок в дни паломничества. По истине, верующие мужчины и женщины – помощники и друзья друг другу. Как это верно и как проверяется в особые дни, когда мы вместе стоим перед Домом Бога, когда совершаем таваф и путь между холмами Сафа до Мара, когда стремимся посетить зикураты ...

Завершение хаджа – это тоже особое время. Остро осознаешь: нужно было еще больше готовиться, еще больше делать дуа, продуманней использовать каждый час, каждую минуту! А сколько сожаления вызывает недостаточное знание арабского языка, истории ислама, биографий пророка Мухаммеда (мир ему) и его сподвижников (мир им всем) ... В дневнике хаджа каждый день помечала: уточнить то-то, прочесть об этом и том.

Мы, слабые и грешные люди, можем и должны становиться светлее, просвещеннее, сильнее благодаря глубокому изучению религии, укреплению своего имана. Это и есть наш Прямой путь. Он наполнен трудом, но труд этот сладок, в радость, ради великой цели спасения и встречи в Раю.

Но было, было и то, что огорчило меня в дни хаджа до слез, до глубокой печали. И не только меня, но и других людей, которые не заслужили несправедливости по отношению к себе. Думаю, об этом надо говорить вслух, обращать внимание на серьезную и, увы, позорную проблему.

Там, где сосредотачивается большое, огромное число людей, неизбежно и появление личностей слабых, поддающихся колебаниям. Шайтан негодует, когда люди стремятся к благому, он использует разные методы искушения. Так что понять, почему кто-то проявил слабость, сказал грубое слово, не проявил терпения, не повел себя почтительно к людям старшего возраста – до определенной степени можно. И не должны мы держать обид и злости друг на друга, если кто-то сорвался, но попросил прощения.

В конце хаджа в моей группе женщин мы все попросили друг у друга прощения за то, что если что-то сказано или сделано было не удачно, нанесло обиду. Эти слова были нужны, чтоб не осталось тени сомнения – в хадже ты не оставил в сердцах людей, которые стали близкими, ни сориночки, ни намека на обиду.

В последний день хаджа нам, нескольким мужчинам и женщинам, пришлось невольно увидеть то, как все моления, выполнение всех обрядов, человек добровольно перечеркивает, отказывается от почетного и столь уважаемого определения – хаджи. Предательство – великий грех. Лицемерие, обман во время хаджа – безумие с точки зрения искренних верующих.

Так уж получилось, что владелец небольшого магазина, который находился в здании нашей гостиницы в Медине, проявлял особую симпатию к паломникам групп из России. Когда-то родители этого человека выехали из Советского Союза в Саудовскую Аравию, осели здесь. В семье сохранили практику общения на русском языке, так что паломникам из числа россиян в данной торговой точке было легко торговаться, задавать уточняющие вопросы. Приветливость и хорошие бонусы, на которые не скупился Аятолла, хозяин магазина, вовсе не значили, что он не следит за порядком, не обеспечивает должный контроль. Ведь на его прилавках – отличное серебро, изделия из натуральных камней, перламутра.

Да и наивно было бы полагать, что в такой точке не установлены хотя бы пара камер наблюдения. Таковы вынужденные меры безопасности в нынешнее непростое время. Но еще раз подчеркну – ни разу владелец магазина и его помощники не проявили непочтительности, подозрительности в отношении покупателей. Наоборот, я сама была свидетельницей, как они выкладывали ювелирные изделия не штучно, а планшетами, чтоб покупатели могли рассмотреть товар непосредственно, подержать в руках. Выбрать хороший подарок не всегда просто, хочется и по умеренной цене, и со вкусом

не прогадать.

... Наши вещи уже были упакованы для загрузки в автобусы. Мы стояли, дожидаясь своей очереди на посадку. Вижу, что Аятолла машет мне рукой и явно дает знак подойти. Наверно, хочет еще раз попрощаться, мелькнуло в голове. Подхожу к моему доброму знакомому и вижу, что лицо у него не просто расстроено, а с печатью глубокого переживания.

«Извините, сестра! Я вас лично знаю и поэтому прошу понять мою просьбу. Посмотрите нашу видеозапись, может, вы узнаете одну женщину и успеете ей еще подсказать, что она попала в неприятное положение», - деликатнейшим образом объяснился Аятолла.

На кадрах видеозаписи вижу позорнейшее: пожилая женщина меряет дорогой перстень, снимает его, перекладывает на ладонь другой руки, затем ладонь опускает в свою сумочку. Стыдно так, что хоть беги вон. Отвратительно, что воришка, видимо, подумала, что, коль продавец отвернулся к другому покупателю, то вот он – ее «счастливый» момент. Да еще и перед самым отъездом из гостиницы, да еще и народу в магазине много, мол, пусть на кого удобно думают ...

Эту пленку видели еще несколько братьев из нашего рейса. Узнали женщину, которая стояла рядом с той, что совершила кражу. Оставалось только задать уточняющие вопросы и еще раз внимательно посмотреть запись.

Тут раздался азан, и Аятолла, извинившись, начал закрывать магазин, чтоб не опоздать на намаз. Мы договорились встретиться после намаза.

Я думаю, он очень сильно молился, просил ответа от Всевышнего, как дальше поступить в этой ситуации. Я уверена, что он просил не о возмещении потерянной выгоды в реалах. Он хотел поступить как мусульманин, как человек, у которого есть ислам в сердце.

Когда мы снова встретились, когда я пришла в магазин с руководителем нашей группы, у Аятоллы было уже принято решение: он попросил забыть данный случай, извинился

перед нами за беспокойство. «Все мы в воле Всевышнего, я не хочу той женщине зла. Забудем. Запись я стер», - таковы были его слова.

Мне он даже попенял: не стоило беспокоить руководителя. Я-то думаю, что стоило, ведь именно руководитель должен знать, с какими людьми он едет, что происходит от первого до последнего дня.

Смею надеяться, что я тоже не злой человек, не жаждущий публичных порок и обличений. Но! Справедливость – тоже требование ислама.

Да, порой трудно решить, покрыть или обличить проступок, грех.

Порой легче проявить мягкотелость, нетребовательность, чем твердо сказать самому человеку и людям: здесь – неправда, лицемерие, предательство.

Я размышляла о том, как горько, но все-таки справедливо было бы просто показать ту пленку людям нашего рейса, в котором ехала и та женщина. Без комментариев. Ради информации, ради дополнительного наставления.

У женщины, которая положила перстень в свою сумочку, перечеркнут хадж, совершенно предательство по отношению к своим единоверцам, родственникам, которые ждали ее возвращения ... Кому-то она уже сделала подарок? Или украсила себя ювелирным изделием? Впрочем, не суть важно.

Все мы – под контролем Всевышнего, под Его зорким наблюдением. Истинно верующие бояться огорчить других людей, отступить от воли Всевышнего. Бояться, не потому, что есть камеры слежения и другие человеческие изобретения, чтоб предотвратить преступления. Если нам еще нужны камеры слежения, какие же мы мусульмане?